

Мережковский Дмитрий Сергеевич

Л. Толстой и Достоевский

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Сергеевич М.**
Л. Толстой и Достоевский / Мережковский Дмитрий Сергеевич – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 606 с.

ISBN 978-5-519-96260-5

ISBN 978-5-519-96260-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ

	СТР.
ПРЕДИСЛОВІЕ.	I—LV.
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Антихристъ у Л. Толстого.	1
ГЛАВА ВТОРАЯ. Антихристъ у Достоевскаго.	83
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Христось у Л. Толстого.	173
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Христось у Достоевскаго.	229
ГЛАВА ПЯТАЯ. Раздвоеніе у Достоевскаго.	292
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Раздвоеніе у Л. Толстого — Послѣднее соединеніе	453

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ то время, какъ я писалъ эту книгу, въ особенности вторую, главную часть ея—о религіи Л. Толстого и Достоевскаго, иногда овладѣвало мною чувство, знакомое конечно всѣмъ, кто занимается отвлеченными философскими и религіозными вопросами: чувство какъ-бы незаслуженнаго одиночества, удаленія отъ жизни. Кто управляетъ механизмомъ электрическаго маяка—зеркалами, рефлекторами,—тотъ знаетъ, что отъ передвиженія малѣйшаго винтика или стрѣлки на одинъ волосокъ зависитъ передвиженіе луча, направленнаго къ отдаленнѣйшимъ горизонтамъ моря и неба—на цѣлые десятки или сотни верстъ; кто въ горныхъ ледникахъ изслѣдовалъ истоки рѣкъ, тотъ знаетъ, что отъ малѣйшаго отклоненія водораздѣльной черты зависитъ все теченіе рѣкъ, безплодье или плодородье цѣлыхъ странъ, благополучіе или бѣдствіе цѣлыхъ народовъ.

Изслѣдуя начало Христа и Антихриста въ религіи Л. Толстого и Достоевскаго—то, что я называю ихъ религіозною полярностью, я зналъ, до какой степени отъ этихъ отвлеченныхъ мистическихъ посылокъ и выводовъ, подобныхъ формуламъ чистой математики, зависитъ вся прикладная механика нравственной, общественной, политической жизни современной Россіи—не только бо-

лѣе или менѣе далекое будущее, но и самые близкіе вопросы настоящаго, самыя жгучія злобы дня. И вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствовалъ, какъ трудно объяснить другимъ эту для меня столь понятную связь. И по мѣрѣ того, какъ я углублялся въ изслѣдованіе тѣхъ высотъ, откуда начинаются рѣки, я какъ-будто уходилъ все дальше и дальше отъ жизни; я начиналъ бояться, что не сѣмѣю отыскать обратныхъ путей, и что мое незаслуженное одиночество, сдѣлавшись заслуженнымъ, уже никогда не окончится.

Но сама жизнь пришла мнѣ на помощь, тогда именно, когда я этого всего менѣе ожидалъ, и тамъ, гдѣ, можетъ быть, въ то время я этого всего менѣе желалъ: „Опредѣленіе Святѣйшаго Сѣнода отъ 20—22 Февраля 1901 года о графѣ Львѣ Толстомъ“ показало воочію не мнѣ, я это, повторяю, зналъ раньше, а тѣмъ, кто не зналъ,—до какой степени кажущееся самымъ далекимъ—близко, самымъ бесполезнымъ—нужно, самымъ отвлеченнымъ—жизненно.

До послѣдняго времени Л. Толстой никогда собственно не былъ нашимъ духовнымъ вождемъ—въ полномъ смыслѣ этого слова, „учителемъ“. Почему?—вотъ вопросъ.

Между силою безсознательнаго творчества, тѣмъ, что мы называемъ „геніемъ“ съ одной стороны, и силою сознанія, ума съ другой—существуютъ различныя степени соразмѣрности, согласованности, точно такъ-же, какъ между физическимъ объемомъ тѣла, ростомъ человѣка и его мускульною силою. Въ существѣ Пушкина, Гете соблюдена высшая степень этой соразмѣрности; духовное строеніе ихъ подобно строенію прекраснаго человѣческаго тѣла: удивительно согласовано, пропорціонально во всѣхъ своихъ частяхъ и членахъ;—вотъ почему такая легкость и свобода въ ихъ движеніяхъ: они управляютъ

ими въ совершенствѣ; свободно и легко посятъ себя, ходятъ, „точно летаютъ“. Этой-то соразмѣрности у Л. Толстого нѣтъ или она у него есть только въ низшей степени. Онъ недостаточно уменъ для своего генія, или слишкомъ геніаленъ для своего ума. Мускульная сила, которая легко носитъ людей средняго роста, оказалась-бы недостаточной для великана: умствующій Л. Толстой и есть такой слабый великанъ, Голиаѳъ, котораго, рано или поздно, маленькій Давидъ убьетъ камнемъ изъ пращи.

Эту неспособность къ быстрымъ и легкимъ движеніямъ, эту неповоротливую тяжесть, грузность ума замѣтилъ въ немъ первый, какъ и многое другое, никѣмъ не замѣченное, Достоевскій. Толстой, говоритъ Достоевскій, „несмотря на свой огромный художественный талантъ, есть одинъ изъ тѣхъ русскихъ умовъ, которые видятъ ясно лишь то, что стоитъ прямо передъ ихъ глазами, а потому и *прутъ въ эту точку. Повернуть-же шею направо или налево, чтобы разглядѣть и то, что стоитъ въ сторонѣ, они, очевидно, не имѣютъ способности: имъ нужно для того повернуться вѣсьмъ тѣломъ, вѣсьмъ корпусомъ. Вотъ тогда они, пожалуй, заговорятъ совершенно противоположное, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, они всегда строго искренни*“. — Далѣе называетъ онъ эту прямолинейность „изступленною“ (Дневникъ Писателя 1877 г.). И по другому поводу, о свойственной не только Л. Толстому, но и русскому уму вообще, склонности къ чрезмѣрному упрощенію, „опрощенію“ всего: „простота, замѣчаетъ Достоевскій, прямолинейна и сверхъ того высокомѣрна. Простота—врагъ анализа. Очень часто кончается вѣдь тѣмъ, что въ простотѣ своей вы начинаете не понимать предмета; даже не видите его вовсе, такъ что происходитъ уже обратное, то-есть, вашъ-же взглядъ изъ простаго самъ собою и невольно переходитъ въ фантастическій“.

Когда Л. Толстой доказываетъ „ничтожность знаній опытныхъ“ (Сочин. 1898, XV, стр. 230); когда утверждаетъ онъ, что всѣ открытія современной науки, отъ Ньютона до Гельмгольца, всѣ эти, какъ онъ выражается, „исслѣдованія протоплазмъ, формы атомовъ, спектральныя анализы звѣздъ“—совершенные „пустяки“ (XV, 224) „ни на что не нужная чепуха“ (XIII, 193), „труха для народа“ (XIII, 181), по сравненію съ истинною наукою „о благѣ людей“ и о томъ, „какимъ топорщикомъ выгоднѣе рубить“, „какіе грибы можно ѣсть“ (XIII, 175); что „вся наша наука, искусство—только огромный мыльный пузырь“ (VI, 264); что „ни въ какое время и ни въ какомъ народѣ наука не стояла на такой низкой степени, на какой стоитъ теперешняя“ (XV, 256); что она нѣчто вродѣ „талмуда“, на изученіи котораго современные люди „вывихиваютъ себѣ мозги“ (XIII, 168);—когда Л. Толстой все это утверждаетъ, то онъ именно „претъ въ одну точку“, не умѣя повернуть шею „ни направо, ни налѣво“. Во всемъ этомъ есть конечно простота и прямолинейность; но простота „фантастическая“ и прямолинейность „изступленная“. Послѣ такихъ отзывовъ о наукѣ, никого уже не могло особенно удивить то, что Шекспиръ оказывался „дюжиннымъ талантомъ“ (Левенфельдъ о Толстомъ, стр. 113); что крестьянскій мальчикъ Оедька превзошелъ въ своихъ сочиненіяхъ не только самого Л. Толстого, но и Гете (IV, 205); что въ произведеніяхъ Боккачіо нѣтъ ничего кромѣ „размазыванія половыхъ мерзостей“ (XV, 89); что Наполеонъ—дурачекъ, а древніе греки—„полудикій рабовладѣльческій народецъ, очень хорошо изображавшій наготу человѣческаго тѣла и строившій пріятныя на видъ зданія“, „но мало нравственно развитый“; что всякая женская нагота, хотя-бы Венеры Милосской — „безобразна“ (XV, 192); что всѣ „картины,

статуи, изображающія обнаженное женское тѣло и разныя гадости (это невѣроятно, но я не преувеличиваю: сравните съ подлинникомъ—XV, 205), что все „существующее искусство“, которое „имѣетъ только одну опредѣленную цѣль—какъ можно болѣе широкое распространение разврата“—слѣдовало-бы „уничтожить“,—„лучше пускай не будетъ никакого искусства“ (XV, 206), ибо надо-же наконецъ когда-нибудь избавиться отъ заливающего насъ „грязнаго потока этого развратнаго, блуднаго искусства“ (XV, 211). Образованные русскіе люди, вообще довольно терпѣливые и ко всему легко привыкающіе,—за сорокъ лѣтъ слишкомъ, въ теченіи которыхъ прислушивались къ подобнымъ отзывамъ Л. Толстого, успѣли привыкнуть къ нимъ и обтерпѣться. Только черезчуръ наивные или невоздержанные противники его все еще спорили, горячились; прочіе давно уже поняли, что бесполезно спорить о томъ, есть-ли книгопечатаніе, какъ утверждаетъ Л. Толстой — „сильнѣйшее орудіе невѣжества“ (VIII, 2 часть, стр. 150), и можно-ли сравнивать музыку Бетховена съ пѣснями деревенскихъ бабъ.

Всего менѣе сердились, кажется, именно тѣ, на кого направлена была отрицательная проповѣдь Л. Толстого: слишкомъ чувствовалось, что, хотя отрицаетъ онъ всѣ основы культурнаго міра—науку, искусство, собственность, государство, церковь—съ такою „неистовою прямолинейностью“, что, казалось-бы, міръ долженъ рушиться,—вся сила этого отрицанія идетъ все-таки мимо жизни, прочь отъ жизни, и что, если Великая Революція зажглась отъ гораздо менѣе дерзкаго вольнодумства XVIII вѣка, то все-же изъ толстовскаго анархизма никогда никакой революціи не выйдетъ;—недаромъ-же все у него кончается буддійскимъ „недѣланіемъ“, „непротивленіемъ“: жестко

стелеть, мягко спать. Оглушительные холостые выстрѣлы, исполинскія хлопущки.

„Я совсѣмъ озлился *тою кипящею злобою негодованія, которую я люблю въ себѣ, возбуждаю даже, когда на меня нападаетъ, потому что она успокоительно дѣйствуетъ на меня* и даетъ мнѣ хоть на короткое время какую-то необыкновенную гибкость, энергію и силу всѣхъ физическихъ и моральныхъ способностей“,—признается одинъ изъ очень юныхъ и очень искреннихъ героевъ Л. Толстого, герой наивнѣйшаго, во вкусѣ Жанъ-Жака Руссо, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже толстовскаго анархическаго бунта.—„Я думаю, что если-бы кельнеры и швейцаръ (дѣло происходитъ въ заграничномъ отелѣ) не были такъ уклончивы, я-бы съ наслажденіемъ подрался съ ними, или палкой по головѣ прибилъ-бы беззащитную англійскую барышню. Если-бы въ эту минуту я былъ въ Севастополѣ, я-бы съ наслажденіемъ бросился колоть и рубить въ англійскую траншею“. Еще недавно, по поводу злобнаго возраженія на одну изъ его послѣднихъ статей, семидесятилѣтній Л. Толстой признавался съ тою-же простодушною искренностью: „статья эта доставила мнѣ удовольствіе. Такъ и чувствуешь, что попалъ въ самую середину кучи муравьевъ, и они сердито закопошились“. Иногда впрочемъ онъ и самъ опоминается и, уставъ „переть въ одну точку“, поворачивается наконецъ „всѣмъ тѣломъ, всѣмъ корпусомъ“ и вдругъ, замѣчая, вмѣсто предполагаемой ярости, добрую усмѣшку въ человѣческихъ лицахъ, признается все съ тою-же трогательною откровенностью: „имъ всѣмъ стало неловко; какъ будто они взглядами говорили мнѣ: вѣдь вотъ смазали изъ уваженія къ тебѣ твою глупость, а ты опять съ ней лѣзешь!“ (Сочиненія XIII, 60). Да, есть что-то бесконечно-трогательное въ этой способности великаго старика быть вѣчнымъ ребенкомъ; по без-